

Виктор ПЕТРЕНКО,
Ольга МИТИНА

Психосемантическое исследование политического менталитета (Россия: 1991—1993)*

В отличие от естественных наук моделирование в гуманитарной области знания не столь продвинуто, чтобы претендовать на реальные успехи в плане прагматики и реального предсказания поведения такой сложной системы, как человеческое общество. Слишком велико количество степеней свободы этой системы, да к тому же ее элементы обладают такой загадочной и не формализуемой способностью, как «свобода воли». Гротескно выразил эту дилемму Ж. П. Сартр: «познание или свобода». Однако на материале гуманитарных наук (по сравнению с естественными) явственнее проступает иная функция познания — построение концептуального языка как строительного материала самого сознания познающего.

Категоризация мира есть одновременно его строительство, ибо если продолжить известную дефиницию «сознание—форма отражения действительности», то и окружающая нас действительность (особенно это очевидно для материальных форм человеческой культуры и социальных структур общества) есть «отражение» (порождение) сознания. Как отмечает Дж. Келли, «психологические процессы канализируются по тем руслам, в которых антиципируются события», и построение «потребного будущего» (термин Н. Берштейна) возможно только по тем конструктам, которые представлены в индивидуальном и общественном сознании. Многомерность сознания обуславливает и определяет многомерность путей развития общества. Экспликация тех или иных категориальных структур сознания или их более сложной организации в модельной форме ведет к феномену «самореализующегося прогноза». Отсюда вытекает особая функция социальных моделей, не только описывающих, но и порождающих социальную реальность.

И единичный, и коллективный субъект, будь то индивид, политическая партия или общество в целом, обладают определенной картиной мира, позволяющей осознавать мир, себя в нем, планировать и принимать решения по реализации тех или иных действий. Теоретические основания, лежащие в основе антропоморфной метафоры общества как коллективного субъекта, наделенного общественным сознанием, содержатся в работах К. Маркса, в представлениях О. Шпенглера¹ о различном менталитете различных

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (№ 93-06-10776).

¹ См. Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск, 1993.

Петренко В. Ф. — профессор, доктор психологических наук, заведующий лабораторией психологии общения и психосемантики факультета психологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Митина О. В. — научный сотрудник лаборатории психологии общения и психосемантики факультета психологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

цивилизаций (египетской, греко-римской, иудейской, арабской, христианской и т. п.), в исследованиях по реконструкции картины мира различных исторических эпох А. Гуревича, Л. Гумилева².

Понятие «картина мира» близко к понятиям «общественное сознание» или «менталитет общества», употребляемым в философской литературе, но оппозиция «сознание—бессознательное», принятая в психологии, делает более эвристичным использование понятия «картина мира», поскольку оно вбирает и осознаваемые, и неосознаваемые пласты познания. Картина мира представляет собой сложное, многоуровневое образование, в которое наряду с научным, понятийным знанием входят и религиозный опыт, и виртуальные построения искусства, и идеология, и глубинные пласты мифологического и коллективного бессознательного в духе К. Юнга³. Картина мира характеризуется не только разноуровневостью построения и различной степенью осознанности ее составляющих, но и разной степенью их адекватности бытию.

В психологии исследование картины мира, в том числе и ее политического аспекта, интенсивно развивает психосемантический подход⁴. В психосемантике реализуется парадигма конструктивизма, где картина мира трактуется не как зеркальное отражение действительности, а как одна из возможных «пристрастных» культурно-исторических моделей мира, которые создает единичный или коллективный субъект. В этом плане психосемантика стоит на позиции множественности возможных моделей мира, на идее плюрализма истины и, как следствие, на идее множественности путей развития отдельного индивида, общества, страны, всего человечества.

Дж. Келли⁵ ввел понятие «личностного (персонального) конструкта» как элемента этой конструктивной системы на уровне индивида — «имплицитной теории личности». Этот термин⁶ может быть расширен и применительно к общественному сознанию, впитавшему в себя личностные конструкты, которые стали достоянием культуры: «В великой мудрости великая печаль» (Экклезиаст). Конструкт может входить и в виртуальную модель некоторой идеологии как идеальной, не ставшей, но желаемой картины мира. «Кто не работает, тот не ест» (апостол Павел) — это конструкт, фиксирующий не наличное состояние дел, а описывающий фрагмент идеального мира.

Конструкты общественного сознания могут претерпевать изменения. Так, для мировосприятия раннего христианства с его идеологией нестяжательства, равенства и стоицизма были характерны утверждения: «Блаженны нищие духом» (т. е. нищие по духу — добровольно отказавшиеся от благ) и «Легче верблюду (по другой версии перевода — канату) пройти через угодное ушко, чем богатому попасть в рай», суть которых операционально можно представить как разнонаправленность векторов «богоугодности» и «богатства». Для протестантской же этики, заложившей идеологическое обоснование промышленной революции⁷, «испытание своей избранности осуществляется посредством

² См. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984; Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990.

³ См. Юнг К. Архетип и символ. М., 1991.

⁴ См. Петренко В. Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М., 1983; его же. Психосемантика сознания. М., 1988; Шмелев А. Г. Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности. М., 1983; Франселла Ф., Банистер Д. Новый метод исследования личности. М., 1987.

⁵ См. Келли Г. А. The psychology of personal constructs. N. Y., 1955.

⁶ В наших примерах имплицитно содержится несколько отличная от Келли трактовка «конструкта». Если у Келли отличительной особенностью конструкта является его биполярность («хороший—плохой») и градуальность, то мы используем этот термин для обозначения взаимосвязи признаков описания (значений), не обязательно имеющих отношение к антонимии и не только для шкал порядка, но и для номинальных шкал. (Подробнее см. Петренко В. Ф. Проблемы эффективности речевого воздействия в аспекте психолингвистики. «Оптимизация речевого воздействия». М., 1990.)

⁷ См. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

практической деятельности в мире» и «богатство добытое трудом — угодно Богу!», т. е. налицо иное отношение между богатством и богоугодностью, и вектор «богатства», совершив поворот на 180 градусов по отношению к вектору «богоугодности», образовал конструктор «блаженны преуспевающие». Нищих же и бродяг в викторианской Англии ждали тюрьма и работный дом.

Как полагает Келли, конструкторы не только являются формой, в которой происходит упорядочивание опыта, и структурой, задающей планирование и осуществление действия, но и образуют взаимосвязи, создают категориальные структуры, опосредующие восприятие и осознание действительности. Выявить эти структуры — задача экспериментальной психосемантики. Методом психосемантики и одновременно формой репрезентации категориальных структур сознания (картины мира субъекта) выступает построение субъективных семантических пространств. Знание субъекта, его система значений, конструкторов в психосемантическом эксперименте задействованы в режиме употребления, а не интроспекции. Испытуемый (интервьюируемый) что-либо оценивает, шкалирует, классифицирует, выносит суждения о сходстве (различии) анализируемых объектов, дает ассоциации и т. п. На основе его единичных суждений, оценок строится матрица данных, суммирующая его опыт в некоторой конкретной содержательной области (в нашем случае политической), а затем к полученной матрице данных применяются методы многомерной статистики, факторный, кластерный анализ, методы многомерного шкалирования, латентный анализ, методы распознавания образов и пр. Выделенные структуры, лежащие в основе матрицы данных, интерпретируются как категориальные структуры сознания испытуемого. Являясь структурами осознания мира субъектом, «несущими конструкциями», каркасом картины мира субъекта, они могут не осознаваться субъектом как таковые, т. е. быть не доступными самонаблюдению и интроспекции, аналогично тому, как маленький ребенок или неграмотный взрослый использует естественный язык, не осознавая его структуры (грамматики), но тем не менее правильно строит речь на основе имплицитных правил грамматики.

Так, например, факторный анализ позволяет выделить пучки взаимосвязанных признаков, конструкторов и таким образом уменьшить исходный базис признаков описания, сводя их к неким обобщенным категориям-факторам, которые выступают координатными осями семантического пространства. При геометрическом представлении семантического пространства выделяемые с помощью факторного анализа личностные или познавательные-культуральные конструкторы образуют координатные оси некоего n -мерного пространства, а анализируемые объекты задаются как координатные точки внутри этого пространства. При этом величина проекции объектов на семантические оси показывает степень выраженности в объекте (понятии, образе) смысла, заданного этим фактором (конструктором). Отдельные параметры становятся операциональными коррелятами когнитивных структур. Так, размерность семантического пространства (число независимых, не- или слабокоррелирующих между собой факторов) отражает когнитивную сложность индивидуального или группового сознания. Сознание человека гетерогенно, и субъект может иметь высокую когнитивную сложность в одной области знания и низкую в другой.

В семантическом пространстве Ч. Осгуда⁸, репрезентирующем представленность политических партий в сознании среднего американца, «человека с улицы» середины 60-х годов, выделялся всего один фактор, интерпретированный как «доброжелательный динамизм — бессильное злобствование», и политические партии размещались вдоль единственной оси такого «одномерного» сознания. Ситуация, напоминающая в целом черно-белое сознание тележурналиста А. Невзорова с его классификацией «наши—не наши».

⁸ См. Osgood Ch. Studies on generality of affective meaning sistem. «American Psychology» 1962, V. 17.

Вместе с тем на материале тех же «средних» американцев выделялось семь-девять независимых факторов в области восприятия «экзистенциальных понятий», обозначающих значимых «других» или интроектов (персонажей внутреннего диалога): «мой отец», «мое сокровенное я», «мой друг», «мой враг» и т. д. То есть когнитивная сложность сознания в этой области была существенно выше. Но, очевидно, если бы в роли испытуемых выступали, предположим, политологи Колумбийского университета Нью-Йорка, результаты по восприятию политических партий были бы иными.

Другим операциональным коррелятом семантических пространств является мощность выделяемых факторов (вклад фактора в общую дисперсию), отражающая субъективную значимость данного основания категоризации, представленного фактором, в сознании субъекта. Например, в нашем кросс-культурном исследовании восприятия девушками-студентками поступков из семейно-бытовой сферы фактор «эмансипированности—традиционализма» был гораздо мощнее у азербайджанских девушек, чем у русских.

Мощность фактора как показатель субъективной значимости данного основания категоризации сам по себе, конечно, не говорит о позиции самих испытуемых по этой проблеме (их координат по оси этого фактора). Так, например, фактор «религиозности» будет одинаково мощным и у религиозного фанатика, и у воинствующего атеиста. В нашем примере азербайджанское «я сама» и «мой идеал» лежали на полюсе традиционализма, в то время как у русских девушек — на полюсе эмансипированности. Но мощность фактора свидетельствует о большей значимости проблемы «эмансипированности—традиционализма» у азербайджанок, чем у русских, прочитываемой при восприятии ими поступков. Для азербайджанок восприятие семейной сферы под этим углом зрения (как правило, на неосознанном уровне) было более значимым, хотя они могли и не рефлексировать эту базисную ось категоризации, представленную фактором с мощным весом.

Наконец, размещение объектов восприятия и осознания (например политических партий или известных политических деятелей) отражает восприятие их испытуемыми, и их имидж может быть описан на языке базисных факторов семантического пространства исходя из проекций их координат на оси семантического пространства.

Близкие идеи, получившие независимое развитие, мы находим у французского исследователя П. Бурдьё. Говоря о социальной топологии, он предлагает изобразить социальный мир в форме многомерного пространства, построенного по принципам дифференциации и распределения, сформированных совокупностью действующих свойств в рассматриваемом универсуме. «Деление, объективированное в таком геометрическом пространстве, функционирует одновременно как принцип видения и деления, как категория восприятия и оценивания, короче, как ментальная структура. Построенное социальное пространство одновременно задает определенную типологизацию: субъекты занимают определенные позиции, а различия между ними задаются геометрическим расстоянием. Социальное пространство есть не только реализация политико-смыслового различия деления, понимаемого как совокупность позиций, но и пространство видения этого деления, а также не только занятие определенной позиции в пространстве, но и выработка определенной политической позиции»⁹. Индивидов, способных действовать, быть носителями практик определенного рода в политической жизни и осуществлять стратегии, направленные на сохранение или изменение своей позиции в социальном пространстве, Бурдьё называет «агентами» и определяет их по относительным позициям в этом пространстве.

Семантическое пространство есть не только место отношений смыслов,

⁹ Бурдьё П. Социология политики. М., 1993, с. 310.

но и сил, направленных на трансформацию этих отношений, и, как следствие, это место непрерывного изменения.

Выработка категорий, по которым противопоставляются субъекты политической деятельности, по-разному относящиеся к реалиям политической жизни общества и имеющие различные позиции по связанным с этими реалиями вопросам, ведется при помощи всевозможного рода публичных формул: хороших и плохих заявлений, благословений и проклятий, злословий и похвал, поздравлений, славословий, комплиментов или оскорблений и т. п. Не случайно слово «*kategoresthai*», от которого происходят категории и категоремы, означает «обвинить публично».

Рассмотрим в качестве примера исследование категориальных структур сознания российского общества летом 1993 года. Партии как объединения наиболее политически активных людей, преследующих сходные политические цели, исповедующих единую (или близкую) идеологию, имеющих сходные политические установки, выступают коллективными субъектами-носителями неких идеологем. Выделение базисных факторов семантического пространства сходства и различия этих партий позволяет реконструировать базовые категории, базовые конструкты, в которых общество может осознать свои проблемы и рефлексировать возможные пути, заданные этими конструктами в своем развитии (т. е. реализации имеющихся «степеней свободы»). Исследование проводилось в течение лета 1993 года непосредственно перед октябрьскими событиями. Таким образом, время проведения исследования соответствовало моменту наибольшего идейного напряжения, за которым следовало вооруженное противостояние позиций партий.

Участниками опроса в 1993 году были 1059 человек — члены 67 политических объединений.

В опросный список вошли суждения за период с 1992 по 1993 год по вопросам Конституции и государственного устройства страны, по проблемам внешней политики и отношению к реформам вооруженных сил, к правовым аспектам экономики, к собственности, к политическим свободам и правам граждан, к вопросам национальной политики и межнациональных отношений, к проблемам культуры, языка, религии, а также пункты Всероссийского референдума апреля 1993 года о доверии президенту и о поддержке политики реформ.

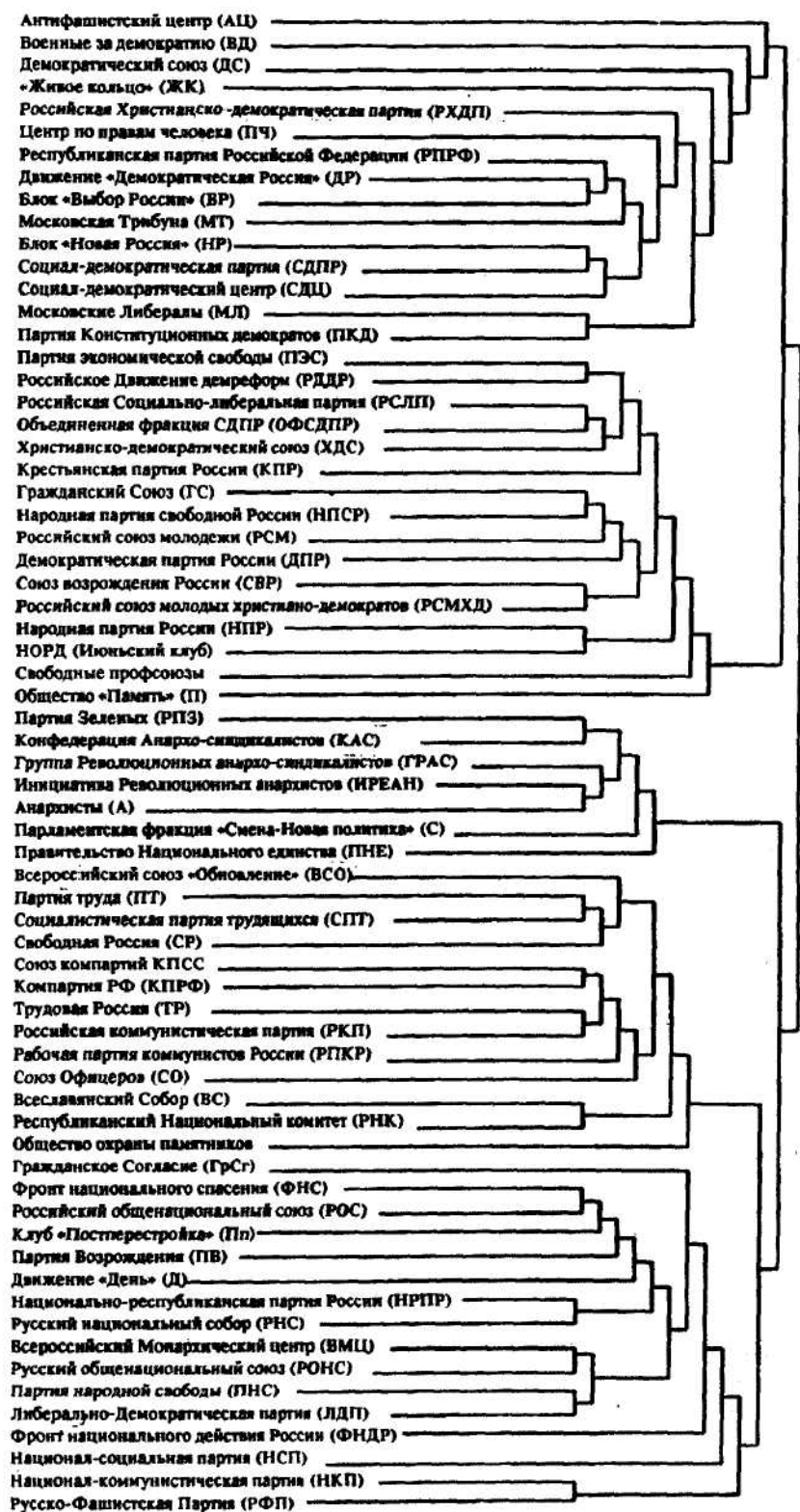
Каждому участнику опроса индивидуально предъявлялся опросный лист, включавший высказывания-утверждения политического характера без указания их источника. Интервьюируемый мог согласиться с утверждением, поставив в соответствующей графе «+1», не согласиться с утверждением, поставив «-1», выразить сомнение, поставив «0». Если утверждение, с точки зрения интервьюируемого, было сформулировано некорректно и не позволяло однозначно ответить, он мог поставить прочерк.

Первичная обработка данных состояла в группировании протоколов участников опроса по их партийной принадлежности и суммировании индивидуальных протоколов в групповые, т. е. по каждому пункту опросника подсчитывалось среднее значение оценок для каждой политической партии. В результате была построена сводная таблица обобщенных ответов, столбцы которой соответствовали среднегрупповым ответам для каждой партии, а строки — вопросам из анкеты.

Наглядной формой представления результатов опроса является построение дерева сходства (кластерструктуры) анализируемых партий. Мера этого сходства (в евклидовой метрике) — расстояние между партиями, подсчитанное на основе упомянутой выше сводной таблицы обобщенных ответов. Использовался алгоритм объединения объектов (партий) в кластеры по методу «минимального контраста»¹⁰.

¹⁰ См. Дюрэн Н., Оделл П. Кластерный анализ. М., 1977; Классификация и кластер (ред. Дж. Вэн Райзин). М., 1980.

Рис. 1. КЛАСТЕРСТРУКТУРА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ 1993 ГОДА

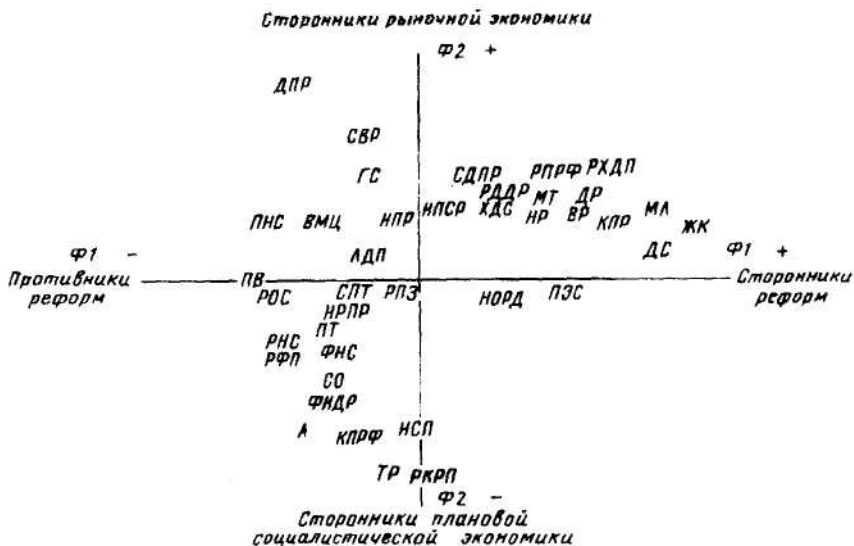

Рис. 2. Семантическое пространство политических партий России в 1993 году (Ф1, Ф2)

Полученные результаты по сходству политических установок (рис. 1) в значительной степени отвечают существовавшим политическим реалиям партнерства и соперничества среди политических партий в период проведения опроса.

Проанализируем группировки партий в объединения — кластеры. Сначала идут сторонники президента Ельцина, составившие блок «Выбор России», ядром которого выступило движение «Демократическая Россия».

Далее идут партии, стоящие «в мягкой (конструктивной) оппозиции» по отношению к линии реформ. Эта группа достаточно разнородна. Одни партии выступают против экономических и социальных последствий резкого перехода к свободному рынку (Объединенная фракция СДПР, Гражданский союз, Демократическая партия России), другие — обвиняют президента в склонности к авторитаризму (Союз возрождения России, Молодые христианско-демократы), третьи (например, «Память»), наоборот, ратуют за усиление авторитарной власти и опасность видят в излишней демократизации общества.

Следующую группу образуют анархические и внесистемные организации, отрицающие государственную власть в любых ее формах (в том числе президентскую).

Далее следуют партии социалистической ориентации, выступающие против «чуждого нам президентства». Начинается эта группа с наиболее лояльной Партии труда, далее следуют организации, настроенные все более негативно к реформам, проводимым правительством и президентом. В этой «непримиримой оппозиции» коммунистические партии смыкаются с национал-патриотами, образуя красно-коричневый спектр Фронта национального спасения (вплоть до «черных» откровенно фашиствующих групп, расположенных в самом низу дерева).

Однако кластерструктура дает типологизацию партий на основе общего интегрального показателя сходства (различия) партий по их политическим установкам, по их картине мира репрезентированными ответами по широкому спектру политических суждений, представленных опросником.

Построение семантического пространства позволяет выделить различные базисные категории (независимые факторы), образующие интегральную меру сходства (различия) партий.

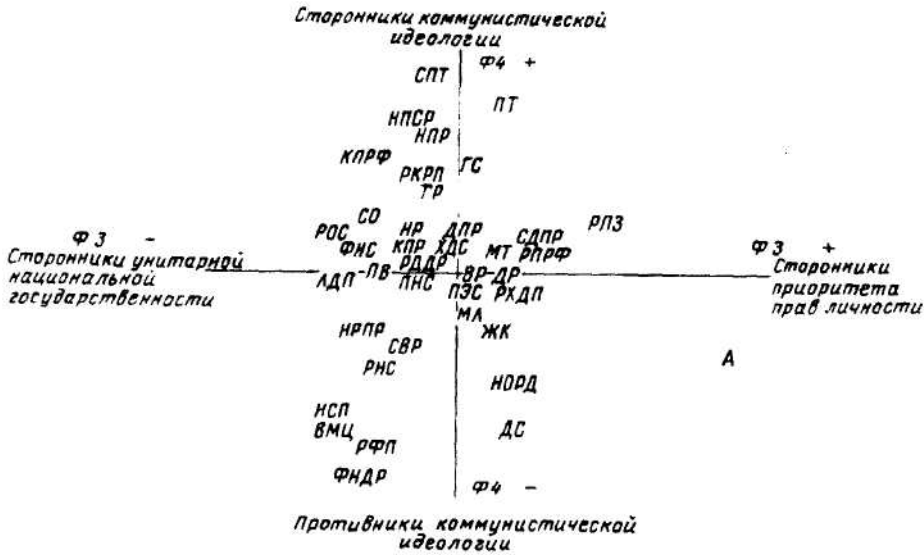

Рис. 3. Семантическое пространство политических партий России в 1993 году (Ф3, Ф4)

С этой целью проводится факторно-аналитическая обработка сводной обобщенной таблицы ответов методом главных компонент с поворотом факторных осей методом *varimax*¹¹.

В результате обработки данных было выделено 4 базисных фактора, объясняющих, соответственно, 21, 17, 13 и 6% общей дисперсии.

Процедура интерпретации факторов аналогична процедуре, описанной в наших работах¹². Здесь мы приводим только рисунки размещения партий в семантическом пространстве (рис. 2, 3).

Построение семантического пространства политических партий позволяет получить синхронический «срез» общественного сознания, конструкты которого выражают в концентрированном виде политические партии.

Для моделирования и изучения динамических процессов семантическое пространство можно расширить за счет введения дополнительной координатной оси времени. Отметим попутно, что для описания динамики систем дополнительным к языку семантических трансформаций является эвристичный язык, используемый в математической теории динамических систем, изучающей такие объекты, как фазовое пространство (пространство возможных состояний системы), траектории движения и ансамбли траекторий, бифуркации (ветвления), флуктуации, состояния устойчивости и неустойчивости, линейные и нелинейные процессы, критические области поведения системы¹³.

Проведя два «среза» общественного сознания (в 1991 и 1993 годах), мы получили два локальных семантических пространства, различающихся по семантике своих факторов. Эти два пространства различаются как числом политических партий, на базе которых строились семантические пространства, так и набором политических суждений (дескрипторов), по отношению к которым представители партий выражали свое отношение (производили шкалирование). Прошло несколько лет, изменились проблемы, волнующие

¹¹ См. Иберла К. Факторный анализ. М., 1980.

¹² См. Петренко В. Ф., Митина О. В. Семантическое пространство политических партий России. «Психологический журнал», 1991, № 6; Петренко В. Ф., Митина О. В., Шевчук И. В. Социально-политологическое исследование общественного сознания жителей Казахстана и построение семантического пространства политических партий. «Психологический журнал», 1993, № 1.

¹³ Подробнее см. Мун Ф. Хаотические колебания. М., 1990; Венгеров А. Синергетика и политика. «Общественные науки и современность», 1993, № 4.

общество и, следовательно, потребовался новый набор суждений-дескрипторов. Возникает методический вопрос, как установить генетическую взаимосвязь этих локальных пространств — синхронических срезов общественного сознания, характеризующихся как изменением контекста политической жизни (круга значимых проблем, выраженных дескрипторами), так и изменением политических позиций самих партий?

В математике при изучении поведения функции многих переменных в подобных случаях сначала варьируется какая-то одна переменная или группа переменных при фиксации всех остальных, потом другая и т. д.

Мы приняли подобную схему эксперимента. Зафиксировав сначала временной параметр, приняв в качестве гипотезы соображение о достаточной стабильности партийных позиций (ибо при отсутствии таковой говорить о партии как носителе каких-либо общественно-политических ценностей вообще неправомерно), мы рассматривали партию в 1991 и в 1993 годах как один и тот же объект и на основе этого проводили факторный анализ пунктов из разных опросников как единого целого, а затем сопоставили и проанализировали трансформацию политических смыслов, семантическую динамику базисных категорий.

После построения динамического семантического пространства, охватывающего оба временных среза, на основе сводной матрицы и выделения смысловых инвариантов, лежащих в основе факторов как единого семантико-временного целого, возможно решение другой задачи — анализ изменения во времени политических позиций партий в фазовом пространстве (как сдвиг вектора от координат партии в 1991 году к координатам 1993 года).

В результате факторизации и вращения было выделено 6 базисных факторов, объясняющих, соответственно, 27,1; 24,9; 15,6; 7,6; 6,26 и 4,6% общей дисперсии, за которыми стоят уже конструкты динамического семантического пространства, ибо вхождение в единый интегральный фактор пунктов опросника (и стоящих за ними конструктов) одного временного среза и пунктов опросника (и стоящих за ними конструктов) другого временного среза позволяет устанавливать отношение синонимии (тождественности) смысловых конструктов этих временных срезов сознания.

Объединение в единый интегральный фактор пунктов опросников 1991 и 1993 годов позволяет выявить соответствие (генетическую преемственность) категорий (конструктов) общественного сознания 1991 и 1993 годов, а также через сопоставление их мощности (вкладов этих факторов в общую суммарную дисперсию) описать изменение акцентов общественного сознания в отношении тех или иных глобальных проблем.

Первый конструкт семантического пространства динамики общественного сознания задан переходом от оппозиции *демократические свободы ↔ тоталитаризм* 1991 года к оппозиции *либерализм ↔ национализм* 1993 года.

Борьба против тоталитаризма и подавления демократических свобод в основном сменилась в 1993 году более индивидуально ориентированными либеральными ценностями. Место же тоталитарных ограничений, осуществляющих жесткий прессинг прав личности, занял воинствующий национализм (национал-патриотизм). Значимость же первого базового конструкта общественного сознания сократилась более чем в два раза, т. е. наблюдается падение интереса общества к этой проблематике, возможно, как в силу ее частичного решения, так и в силу снижения общей политической активности общества. (Графическая иллюстрация динамики этого конструкта представлена на рис. 4.)

Второй конструкт пространства динамики общественного сознания обусловлен переходом от противопоставления *политической и экономической децентрации* в оппозиции к *унитарной социалистической государственности* к новому конструкту, где *экономическая децентрация и предпринимательская*

ИЗМЕНЕНИЕ СОДЕРЖАНИЯ ПОЛЮСОВ ФАКТОРА 1

(в интервал» между 1991 и 1993 гг.)

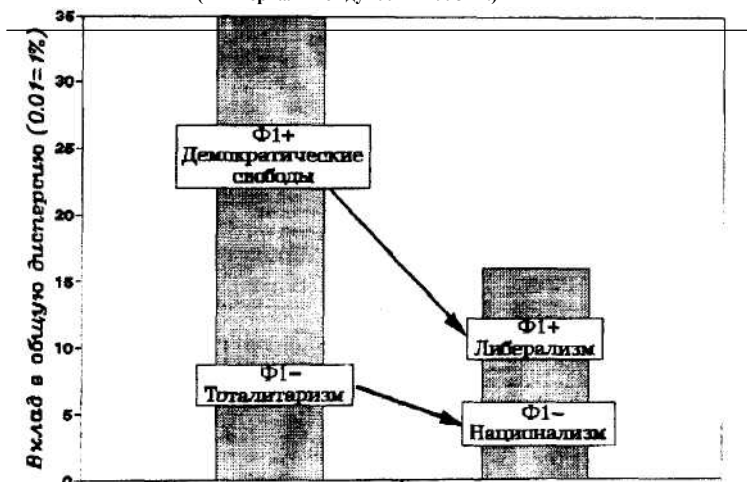

Рис. 4.

независимость (рыночная экономика) противопоставлены плановой экономике и рудиментам социалистической государственности.

Требования децентрализации политической власти и как следствие большей экономической свободы регионов в 1991 году сменилась на экономические требования рыночной экономики. Децентрация перенесла акцент с политики на экономику, а в целом значимость этого измерения выросла почти в полтора раза (рис. 5).

Третий конструкт семантико-временного пространства обусловлен переходом от оппозиции коммунистическая идеология ↔ плюрализм в идеологии на конструкт усиление роли религии ↔ атеизм и отрицание доминирующей роли религии в государстве и обществе.

Следует отметить, что стоящие у власти демократические, реформистские силы не выработали (или не способны были выработать) собственный идеологической доктрины, и место ведущей идеологии общества (и отчасти государства) начинает занимать религия. Однако значимость идеологического конструкта в 1993 году упала более чем в два раза по сравнению с 1991 годом. Сознание россиян (по крайней мере для нашей партийной выборки) становится менее идеологизированным.

Четвертый конструкт динамического пространства является неким новообразованием и представлен в основном дескрипторами второго временного среза (1993 года). Он может быть обозначен как фактор — конструкт *поддержка курса президента и правительства (по текущим проблемам внутренней и внешней политики) ↔ оппозиция курсу президента и правительства (по текущим проблемам)*. Специфика этого фактора связана с тем, что в него вошли пункты опросника, связанные не со стратегическими проблемами реформы а, скорее, с тактическими, обусловленными взаимоотношениями президента и парламента, отношением к тем или иным конкретным постановлениям президента, воспринимаемым опять же в контексте борьбы правящей элиты

Хотя имеющаяся корреляция (0,44) между поддержкой экономической реформы (фактор 2) и поддержкой курса президента и правительства (фактор 4) показывает взаимосвязь прития реформы с поддержкой курса президента,

ИЗМЕНЕНИЕ СОДЕРЖАНИЯ ПОЛЮСОВ ФАКТОРА 2

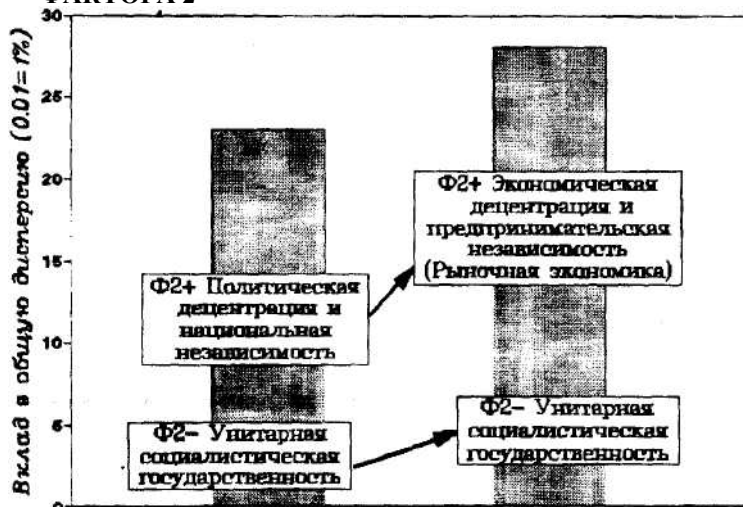

Рис. 5.

появление этого самостоятельного фактора в 1993 году свидетельствует о выделении проблемы власти в отдельную базисную категорию политического сознания. Общество осознает и решает для себя эту проблему.

Пятый конструкт динамического пространства *акцент на общественное самоуправление ↔ акцент на сильную централизованную государственную власть* в плане содержания не претерпел значительных изменений с 1991 по 1993 год. Однако его значимость возросла (вклад фактора в общую дисперсию) почти в два с половиной раза. Власть явно смещается от центра к регионам, и как проявление этой тенденции произошло увеличение представленности этого конструкта в общественном сознании.

Наконец, увеличение за период с 1991 по 1993 год в два с половиной раза значимости шестого конструкта *приоритет экономическому развитию ↔ приоритет экологической безопасности* подтверждает возрастание роли экологической проблемы в общественном сознании. Хотя поражение экологического блока на декабрьских выборах 1993 года, казалось бы, свидетельствует об обратном, увеличение представленности в общественном сознании экологической проблематики позволяет надеяться, что усилия «зеленых» не пропали даром и что в ближайшем будущем при соответствующей пропагандистской поддержке экологическое движение займет подобающее ему место в иерархии политической власти.

Для более наглядной иллюстрации характера распределения позиций партий по каждому фактору мы построили диаграммы-графики, называемые «боксплотами» (от английского «рисовать прямоугольник»), способствующие более целостному анализу позиций партий по выделенным конструктам-факторам. Боксплот отображает суммарную статистику распределения, включая медиану, 25 и 75% границы распределения, регулярные максимальное и минимальное значение. Боксплот располагается вертикально, параллельно оси OY . Нижняя граница прямоугольника соответствует положению 25% границы распределения, т. е. четверть всех наблюдений имеют значения наблюдаемой величины меньше значения, соответствующего нижней границе боксплота. Верхняя

**БОКСПЛОТЫ ФАКТОРОВ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА
ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
(в сопоставлении 1991 и 1993 гг.)**

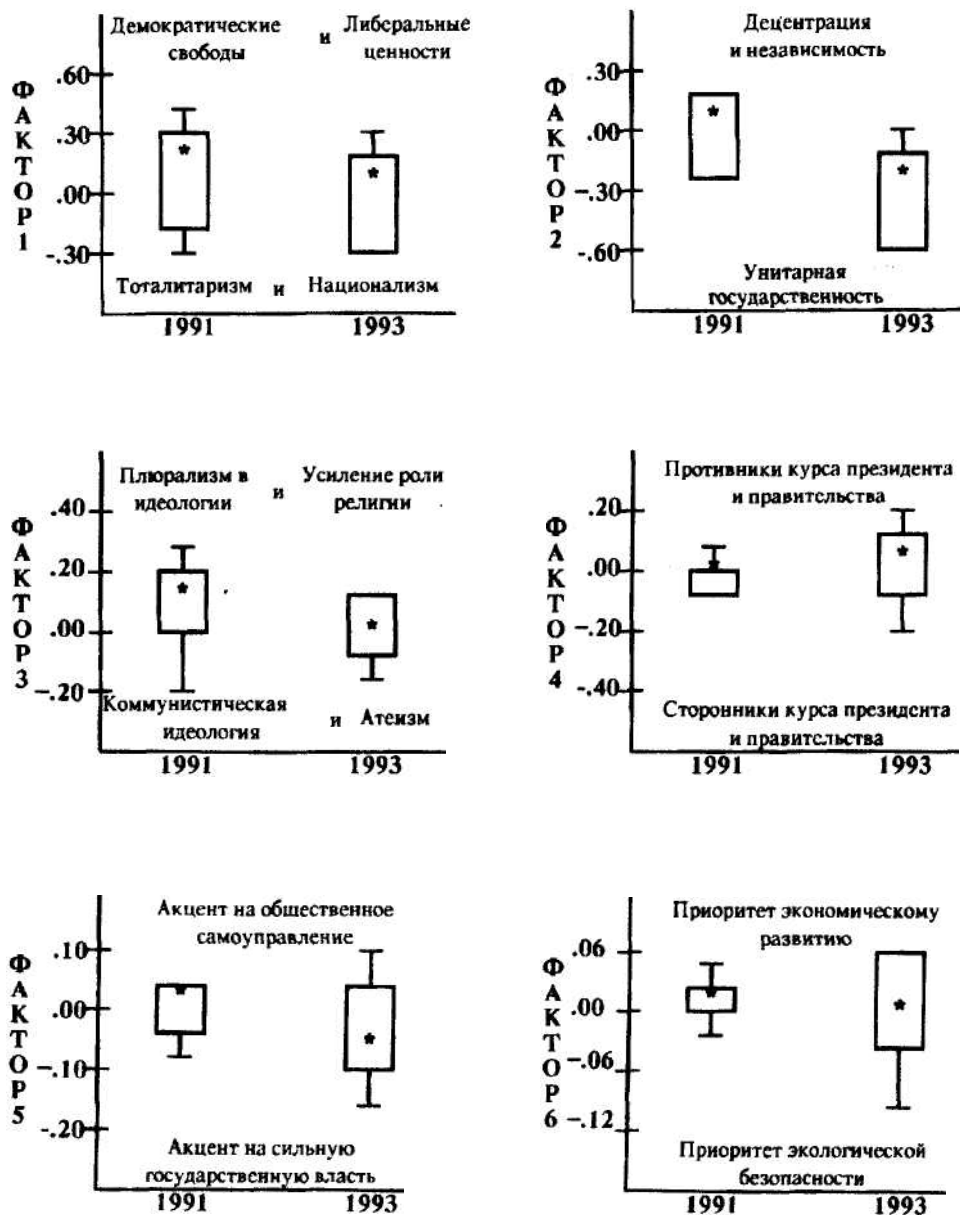

Рис. 6.

граница прямоугольника соответствует положению 75% границы распределения, т. е. четверть всех наблюдений имеют значения наблюдаемой величины больше значения, соответствующего верхней границе боксплота. Звездочка в боксплоте указывает положение медианы распределения. Половина наблюдений имеют значения, попадающие в прямоугольник. Верхний и нижний концы боксплота соответствуют максимальной и минимальной из встречающихся позиций по этому фактору. Положение медианы указывает на центральную тенденцию, размер прямоугольника — на вариативность или разброс позиций.

Сопоставление боксплотов разных годов позволяет выявить определенные тенденции в изменениях позиций общественного мнения и вариативности позиций. Для наглядности такого сравнения боксплоты всех шести факторов представлены попарно для 1991 и 1993 годов на рис. 6. Так, по фактору 1 боксплот сместился явно вниз и стал более компактным. Это еще одно свидетельство падения интереса партий к проблеме политических свобод. По фактору 3 боксплот 1993 года также стал более компактным со сдвигом вниз. Это свидетельствует все-таки о нейтральном отношении к религии в нашем обществе (медианная звездочка оказалась на нуле) несмотря на спекуляцию на этой тематике. По факторам 2, 4, 5, 6 площадь прямоугольников в 1993 году превосходит ее же в 1991 году. Причем, если по последней тройке можно делать вывод о том, что тематика к 1993 году актуализировалась и проявила разброс мнений, существовавший до этого только в зародышевом состоянии, то боксплот второго фактора имел большую площадь в обоих случаях и тем не менее его рост к 1993 году свидетельствует о том, что этот фактор становится ведущим смысловым фактором.

Диаграммы, представленные на рисунках 4 и 5, отражают значимость различных проблем, связанных с тем или иным фактором, в социальном поле. Это можно было бы сравнить с величиной силы воздействия в физическом поле. Медианы распределения позиций по проблематике каждого фактора, отмеченные звездочками на рисунках боксплотов, по этой же аналогии можно рассматривать как точки приложения этих сил и определять соответствующие им вращающие моменты как произведение значимости фактора (вращающей силы) на отклонение медианы распределения от нулевой позиции (длину плеча). Если средняя позиция по фактору близка к нулевой отметке, то вращающий момент не будет слишком большим, даже при высокой значимости проблемы. Аналогия с физически вращательным моментом позволит нам ввести гипотетическую меру потенциала политических изменений, операционально определяемого как сумму произведений мощности выделенных факторов (выражающих субъективную значимость описываемых ими конструктов общественного сознания) на соответствующие этим факторам отклонения центра тяжести (среднего арифметического) позиций политических субъектов (в нашем случае политических партий) от нулевого уровня. Таким образом, мерой потенциала политических изменений выступает некая безразмерная величина, отражающая неуравновешенность системы и как следствие ее — потенциал изменения.

Проведенные расчеты показывают падение *потенциала политических изменений* с 1991 года по 1993 год от 3,92 к 1,99 условных единиц. Конечно, политические партии еще не все общество, как Москва еще не вся Россия, да и сами предложенные меры потенциала политических изменений еще нуждаются как в доказательстве ее эвристичности на материале другой политической феноменологии, других стран и регионов, так и в градуировании самой шкалы условных единиц. Однако можно полагать, что тенденция падения политической напряженности схвачена верно, и Россию ожидает политическая стабилизация.